

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ОТДЕЛЕНИЕ ИСТОРИКО-ФИЛОЛОГИЧЕСКИХ НАУК
ПУШКИНСКАЯ КОМИССИЯ

**ВРЕМЕННОК
ПУШКИНСКОЙ
КОМИССИИ**

Выпуск 34

Санкт-Петербург
2020

УДК 821.161.0
ББК 83.3 (2Рос=Рус) 1
В81

Издание основано в 1962 году

Редакционная коллегия:
А. Ю. Балакин (*ответственный редактор*),
М. Н. Виролайнен, Е. Е. Дмитриева

Рецензенты:
М. В. Строганов, Э. И. Худошина

ISBN 978-5-94668-319-7

© Авторы статей, 2020
© Пушкинская комиссия РАН, 2020

АНДРЕЙ ДОБРИЦЫН

ПОЭМА АНТОНИО МЕДЗАНОТТЕ
О ПЕТЕРБУРГСКОМ НАВОДНЕНИИ
И «МЕДНЫЙ ВСАДНИК»¹

7 (19) ноября 1824 года произошло самое разрушительное наводнение в истории Санкт-Петербурга, — событие, отразившееся в известной пушкинской поэме, созданной почти девять лет спустя.

Пушкина в то время в Петербурге не было, сведения о случившемся бедствии были почерпнуты им позже из разных источников. Комментаторы упоминают прежде всего статью Фаддея Булгарина, напечатанную сразу же после наводнения, а через год вошедшую с изменениями в брошюру В. Н. Берха «Подробное историческое известие о всех наводнениях, бывших в Санктпетербурге»,² а также более объемистую (около 250 страниц) книгу Самуила Аллера,³ увидевшую свет, как и брошюра Берха, в 1826 году. Предполагается также, что Пушкин мог ознакомиться со свидетельством Грибоедова, бывшего очевидцем катастрофы и написавшего заметки для сборника о наводнении, задуманного было Булгариным и Гречем, но так и не изданного.⁴

Сообщения о петербургском потопе имелись и в иностранной печати. Европейские газеты извещали о нем примерно с трехнедель-

---

¹ Исследование выполнено в рамках гранта Российского научного фонда (проект № 17-18-01701) в Институте мировой культуры МГУ. Автор выражает искреннюю признательность И. Ю. Виницкому, Н. Г. Охотину, И. А. Пильщикову и М. Г. Талалаю за помощь в библиографических поисках.

² [Берх В. Н.] Подробное историческое известие о всех наводнениях, бывших в Санктпетербурге. СПб.: В Морской типографии, 1826. С. 59–72.

³ Аллер С. Описание наводнения, бывшего в Санкт-Петербурге 7 числа ноября 1824 года. СПб., 1826. Цензурное разрешение выдано 28 января 1826.

⁴ Грибоедов А. С. Частные случаи петербургского наводнения // Пушкин А. С. Медный всадник / Изд. подгот. Н. В. Измайлов. Л., 1978. С. 116–120 («Лит. памятники»).

ным запозданием: в «Journal des Débats politiques et littéraires» и в «Le Moniteur Universel» первая заметка появилась 11 декабря; до берлинских газет сведения дошли на пару дней раньше, так что Гете, по свидетельству Эккермана, читал о бедствии 9 декабря.⁵ Развернутое же описание событий появилось в европейской прессе через 5—6 дней после первого сообщения,⁶ а в последующих выпусках газеты продолжали публиковать различные дополнительные подробности.

В начале 1825 года вышел в свет январский выпуск 25-го тома «Энциклопедического обозрения» («Revue encyclopédique»), где было помещено подробное известие о наводнении, подписанное «Е. Н.», то есть Эдм Эро (Edme-Joachim Héreau; 1791—1836), сотрудник (сначала казначей, затем генеральный секретарь) «Энциклопедического обозрения».⁷ В том же выпуске «Revue encyclopédique» была напечатана рецензия на изданную в Париже поэму Жан-Мари Шопена (Jean-Marie Chopin; 1796—1871) «Дифирамб на Петербургское наводнение», подписанная на сей раз полным именем Эдма Эро.⁸

В апрельском выпуске «Энциклопедического обозрения» за тот же год (том 26) имеется рецензия Эро на еще одну французскую поэму (авторства Огюста де Сен-Тома), но выпущенную не во Франции, а в Петербурге.⁹

Как видим, петербургские события получили не только немедленное освещение в европейской прессе, но отразились и во французской поэзии. Еще больший интерес представляет изданная в 1825 году итальянская поэма о петербургском наводнении.

У нее есть некоторая предыстория, связывающая Россию, Францию и Италию. Она касается И. А. Крылова и Эдма Эро.

Эро хорошо знал русский язык; получая книги от Сергея Полторацкого, следил за новинками русской литературы, писал на них рецензии и сам был переводчиком русской поэзии, пусть и не слишком усердным. Он одним из первых перевел на французский несколько басен Крылова и потому оказался вовлечен в предпринятое графом Орловым и графиней Орловой трехязычное издание

⁵ Мюнхенская «Allgemeine Zeitung» сообщила о бедствии в номере за 10 декабря.

⁶ Journal des Débats. 1824. 16 décembre; Le Constitutionnel. 1824. 16 décembre; Le Moniteur universel. 1824. 17 décembre.

⁷ Revue Encyclopédique. 1825. Janvier. Т. 25. P. 245—250.

⁸ Chopin J. M. Dithyrambe sur l'inondation de Saint-Petersbourg. Paris, 1824. Рец.: Revue Encyclopédique. 1825. Т. 25. P. 210—212.

⁹ Saint-Thomas A. de. L'inondation de Saint-Petersbourg. Le 7 Novembre 1824. St. Petersburg, 1824. Рец.: Revue Encyclopédique. 1825. Avril. Т. 26. P. 138.

86 крыловских басен (в нем участвовало 89 литераторов: 58 перелагали Крылова на французский и 31 — на итальянский).¹⁰ В частности, три басни были переведены итальянским поэтом Антонио Медзанотте («Мальчик и Червяк»; «Мот и Ласточка»; «Огородник и Философ»).

Медзанотте (Antonio Mezzanotte; 1786—1852) родился и прожил почти всю жизнь в Перудже, учился музыке, при этом подружился с композитором Франческо Морлакки; по настоянию родителей оставил консерваторию ради медицины, однако, не чувствуя к ней призвания, ушел с кафедры анатомии и физиологии и начал преподавать греческую литературу. В 1819—1820 годах Медзанотте издал в Пизе свой четырехтомный перевод Пиндара, а в 1829 году получил в университете Перуджи кафедру возвышенного красноречия (la cattedra di eloquenza sublime). Писал классицистические стихи и поэмы архаизированным языком, был противником романтических новшеств в литературе. Среди его поэм есть по крайней мере четыре экфрасических, в их числе стихотворные описания «Тайной Вечери» Леонардо и «Страшного Суда» Микеланджело.¹¹

Замечу также, что в 1827 году вся итальянская часть орловского издания Крылова (включающая поэтические переводы в исправленном виде и предисловие Франческо Сальфи) была напечатана отдельной книгой, и произошло это именно в Перудже, у тех же издателей и в той же типографии, где обычно печатался Медзанотте;¹² очевидно, это переиздание итальянской версии «Басен» было сделано именно его стараниями.

Но связи Антонио Медзанотте с Россией не ограничились переложениями из Крылова. В том же 1825 году, когда в Париже вышло трехязычное издание «Басен», Медзанотте выпустил в свет поэму «Наводнение, случившееся в Петербурге 19 ноября 1824», в четырех песнях, написанную октавами, одиннадцатисложным стихом.¹³

---

¹⁰ Dobritsyn A. Les premières traductions françaises des fables d'Ivan Krylov // Les intellectuels russes à la conquête de l'opinion publique française (XVIIIe — début du XXe siècle): une histoire alternative de la littérature russe en France / Sous la direction d'Alexandre Stroeve. Paris, 2019. P. 77—89.

¹¹ См. статью В. Корвизьери (V. Corvisieri) «Mezzanotte, Antonio» (Dizionario biografico degli Italiani. Roma, 2010. Vol. 74. P. 77—79); электронная версия: [http://www.treccani.it/enciclopedia/antonio-mezzanotte_\(Dizionario-Biografico\)](http://www.treccani.it/enciclopedia/antonio-mezzanotte_(Dizionario-Biografico)).

¹² Favole russe di Kriloff imitate in versi italiani da varj chiarissimi Autori, Alcune delle quali rivedute e corrette dagli autori medesimi e precedute da una prefazione italiana di F. Salfi. Perugia: Tipografia Baduel, Presso Bartelli e Costantini, 1827.

¹³ Mezzanotte A. La Inondazione di Pietroburgo avvenuta nel dì 19. novembre 1824, Canti quattro. Perugia, 1825. На поэму было по крайней мере два отклика

Первым русским исследователем, напомнившим о поэме Медзанотте, был М. Г. Талалай, рассказавший, в частности, о неудачных попытках перуджийского литератора заинтересовать своим произведением знатных и влиятельных русских,¹⁴ а также предложивший стихотворный русский перевод первой песни.¹⁵ Автор биографической статьи о Медзанотте В. Корвизьери уверяет, что поэт, сочиняя подобные поэмы и отсылая их важным персонам, рассчитывал на вознаграждение.¹⁶

Меркантильная сторона мотивации Медзанотте гипотетична и несущественна, более любопытно, откуда ему могла прийти идея воспеть именно петербургское бедствие и откуда он почерпнул сведения о нем. Наводнение случилось именно тогда, когда подготовка собрания крыловских басен завершалась, то есть работа над ним шла достаточно интенсивно, поэтому, надо думать, и контакты с графом Орловым (пусть и через посредников) были вполне активны, так что русские события могли быть восприняты как актуальный и подходящий для сочинительства повод.

Одним из основных источников поэм о наводнении были статьи, опубликованные в «Le Conservateur Impartial», полуофициальной газете при Коллегии иностранных дел, которая выходила в Петербурге дважды в неделю в течение 12 лет, с 1813-го по 1824 год. С января 1825 года она стала издаваться как «Journal de Saint-Petersbourg».

в итальянской печати, один нейтральный, другой весьма критический: *Antologia*. Firenze, 1825. Т. 20, № 60. Dicembre. P. 133—134; *Giornale arcadico di scienze, lettere, ed arti*. Roma, 1825. Т. 27. Luglio, Agosto, e Settembre. P. 365—366. В январском номере «Антологии» за тот же год фигурировало сообщение о наводнении с объяснением его метеорологических причин (*Antologia*. Firenze, 1825. Т. 17, № 49. Gennaio. P. 151—154).

¹⁴ Русского посланника в Риме А. Я. Италинского и жившего во Флоренции Н. Н. Демидова. Письма Италинского и Демидова в итальянском переводе были впервые опубликованы Глорией Перруччи на с. 89—90 ее статьи: *Perrucci G. La città di Perugia e la Russia nel manoscritti della Biblioteca «Augusta» // Rassegna sovietica*, Anno XXXVI. 1985. Luglio—agosto. P. 88—105.

¹⁵ *Талалай М. Г. Итальянские певцы петербургского потопа // Краеведческие записки: Исследования и материалы / Государственный музей истории Санкт-Петербурга*. СПб., 2000. Вып. 7. С. 179—191. Помимо поэмы Медзанотте в статье рассматривается прозаическое повествование о петербургском наводнении Фердинандо Пасквиноли (*Pasquinoli F. La Inondazione di Pietroburgo accadute il giorno 18 novembre 1824...* Milano, 1825); как указывает М. Талалай, на это произведение впервые обратил внимание М. Осоргин в 1932 г. (см.: *Осоргин М. А. Заметки старого книгоеда*. М., 1989. С. 174—180). О Пасквиноли см.: *Albergoni G. I nestieri delle lettere tra istituzioni e mercato*. Milano, 2006. P. 175—180, 210—217).

¹⁶ *Dizionario biografico degli Italiani*. Roma, 2010. Vol. 74. P. 77—79.

Обнародованные в «Le Conservateur Impartial» известия перепечатывались в европейских газетах¹⁷ с добавлением сведений, полученных из других источников, например частных писем. Судя по текстам, именно на эту информацию и опирались европейские поэты. Другим их источником мог послужить уже упомянутый отчет Эдма Эро, весьма подробный; кроме того, сообщения поступали и по приватным каналам.

Что касается Медзанотте, он явно пользовался итальянскими газетами; практически все изложенные у него подробности, включая ошибочные, можно найти, например, во «Флорентийской газете» («Gazzetta di Firenze», которая сама перепечатывала материалы из «Gazzetta di Venezia», «Journal de Francfort» и пр.).¹⁸

Весьма вероятно, кстати, что перечисленные французские газетные и журнальные статьи читались и Пушкиным.¹⁹ Любопытен, конечно, вопрос, знал ли Пушкин о поэме Медзанотте. Скорее всего, нет, хотя полностью исключить этого нельзя: чисто хронологически текст был ему доступен, и он достаточно знал язык, чтобы понять его, пусть в общих чертах.

Во всяком случае, в описании картин наводнения у Медзанотте и Пушкина есть довольно много похожего, но это легко объясняется тем, что оба поэта пользовались приблизительно одинаковыми сведениями о реальных событиях.

Различий, разумеется, много больше, чем совпадений: Медзанотте создавал произведение в классическом духе, в котором описание бедствия дано как фон, на котором ярче выступают щедрость, благородство, благочестие и прочие добродетели императора Александра и героизм его придворных, особенно Бенкендорфа (эпический зачин поэмы: «пою Александра и его благодеяния»; поступок Бенкендорфа, добравшегося почти вплавь до весельного катера и спасшего на нем нескольких человек, был освещен в европейской

---

¹⁷ «Journal des Débats» за 16 декабря и «Le Moniteur universel» за 17 декабря 1824 г. (в «Мониторе» источник информации указан с ошибкой: «Le Conservateur Impartial» превратился в «Le Conservateur Impérial»).

¹⁸ Так, Медзанотте почти дословно переписывает в автокомментарии к своей поэме газетное известие о разрушении Исаакиевского моста, построенного и открытого якобы за три дня до наводнения (Gazzetta di Firenze. 1824. Dicembre. Sabato 25.); на самом деле он был открыт в 1821 г., ср.: Талалай М. Г. Итальянские певцы... С. 191, примеч. 25.

¹⁹ «Подробности наводнения заимствованы из тогдашних журналов», — признавался сам поэт. Если предположить, что он обращался не только к журналам, но и к газетам (journaux), то французские вполне могли составить конкуренцию русским.

прессе;²⁰ указанная выше поэма Огюста де Сен-Тома посвящена именно Бенкендорфу.

Поэтических произведений, где рисовались бы обстоятельства современных автору наводнений, в европейской литературе не так уж много (речь не идет об отдельных строках, вроде цитированных Л. В. Пумпянским двух стихов Малерба²¹). Можно назвать две поэмы на франкопровансальском, посвященные наводнениям в Гренобле, — Андре Блана (André Blanc, Blanc la Goutte; 1690—1745²²) «Несчастный Гренобль» («Grenoblo Malhérou», 1733) и Антуана Ренье (Antoine Reinier) «Гренобль под наводнением» («Grenoblo inonda», 1740),²³ а также испанскую поэму Кандидо Марии Тригуэроса (Candido Maria Trigueros; 1736—1798) «Наводнение» («La Riada», 1784), рассказывающую о бедствии в Севилье в декабре 1783 — январе 1784 года и воспевающую действия тогдашнего севильского градоначальника.²⁴ Франкопровансальская поэма Блана «Несчастный Гренобль» также содержит хвалу городским магистратам. Вообще в XVII и в XVIII веках сообщения о природных катастрофах использовались порою в политических целях и сопровождались известиями о благодетельных действиях властей (в том числе монарха), исправляющих ущерб и жертвующих средствами на помощь пострадавшим.²⁵ В этом отношении как обе французские поэмы, так и итальянская вписываются в традицию.

²⁰ См., например: *Le Moniteur universel*. 1824. 17 décembre.

²¹ См.: Пумпянский Л. В. «Медный всадник» и поэтическая традиция XVIII века // Пушкин: Временник Пушкинской комиссии. М.; Л., 1939. Т. 4—5. С. 102.

²² См. введение к тематическому номеру «Blanc la Goutte. Poète de Grenoble. Œuvres complètes» журнала *Le Monde alpin et rhodanien. Revue régionale d'ethnologie*, № 4, 2002. P. 9—56; URL: https://www.persee.fr/doc/mar_0758-4431_2002_num_30_4_1781

²³ См.: *Pilot J.-F.-A.* Grenoble inondé. 2e éd. revue et augmentée... Grenoble, 1859. Автором поэмы Блана ранее считался его тесть — Франсуа Блан (François Blanc). Поэма переиздавалась несколько раз, в 1864 г. — с предисловием Жорж Санд.

²⁴ *Trigueros C. M.* La Riada. Sevilla, 1784. Поэма вызвала насмешки сатирика Хуана Пабло Форнера, затем переписку Форнера с французским поэтом Флорианом, так что она стала немного известна и вне Испании (см.: *Lopez F.* Juan Pablo Forner et la crise de la conscience espagnole au XVIIIe siècle. Lille, 1977. P. 312—314, 469—473). Отношение к «Наводнению» Тригуэроса напоминало отношение к «бессмертным стихам» графа Хвостова: в одной испанской сатире Юпитер обещает Аполлону, что наводнение Гвадалквивира больше не повторится, дабы не вызвать появления еще одной «La Riada» (*Aguilar Piñal F.* Un escritor ilustrado, Cándido María Trigueros. Madrid, 1987. P. 165).

²⁵ См.: *Buridant J.* L'écho du tonnerre: le retentissement de l'orage du 13 juillet 1788 / Récits et représentations des catastrophes depuis l'Antiquité, sous la dir. de

Имеется и отдаленно родственная линия изображений первоначального потопа — Девкалионова и Ноева, — с существенной религиозной составляющей в последнем случае;²⁶ но ниже я ограничусь лишь сопоставлением «Медного всадника» с поэмой Медзанотте и в меньшей степени — с поэмами Шопена и Сен-Тома.

Осмысленно сравнивать произведения Пушкина и Медзанотте можно в той части, где говорится о катастрофическом столкновении природной стихии и города. Именно эта часть является самой обширной и композиционно центральной в пушкинской «петербургской повести», как подметил еще Д. Благой: «...наводнению дано не только неизмеримо большее относительно остальных частей “повести” число стихов, но оно выдвинуто и на самое видное место, занимает как раз всю центральную часть “повести”: от начала “повести” до начала описания наводнения — 148 стихов; от конца описания наводнения до конца “повести” — 134 стиха. Наоборот, мятеж бедного Евгения не только рассказан *всего в 32 стихах*, но и композиционно как бы загнан в самый дальний угол “повести”, спрятан где-то сбоку» (на рассказ о самом наводнении приходится 183 стиха, т. е. 40 процентов текста). Благой усматривает в таком расположении некую эзопову стратегию: «...эта хитрая композиционная постройка “Медного всадника” едва ли не продиктована <...> необходимостью всячески затенить главное в повести, “занавесить” ее

R. Favier et A.-M. Granet-Abisset. Grenoble, 2005. P. 37—50; *Cave Chr. Bienfaisance et discours de presse // L'invention de la catastrophe au XVIIIe siècle. Du châtiement divin au désastre naturel. Etudes publiées sous la dir. de A.-M. Mercier-Favre et Ch. Thomas. Genève, 2008. P. 157—182.*

²⁶ Некоторые замечания об одной ветви этой традиции, восходящей к Овидию и Горацию, можно найти в упомянутой выше статье Пумпянского (*Пумпянский Л. В. «Медный всадник» и поэтическая традиция XVIII века. С. 103—104*); см. также: *Козлов С. Л. Из комментариев к «Медному всаднику»: (Античная и европейская традиция) // Литературный процесс и проблемы литературной культуры: Материалы для обсуждения. Таллин, 1988. С. 3—5. Другую ветвь представляют изображения библейского потопа (см., например: *Иткин И. Б. «Медный всадник»: Два потопа // Philologica. 2012. Vol. 9, № 21—23. С. 133—144*). Из наиболее ярких и известных произведений XVIII в. назовем поэму «Потоп. Семира и Семин» («Die Sündfluth. Semira und Semín», 1762) Саломона Гесснера (Salomon Gessner; 1730—1788), переведенную и на французский и затем отразившуюся в живописи (см.: *Visions du Déluge: de la Renaissance au XIXe siècle. Paris, 2006; Wachenheim P. Tableaux fin de siècle pour un déluge sans Dieu // L'invention de la catastrophe au XVIIIe siècle... 2008. P. 379—401*). Тема потопа разрабатывалась и в начале века, например в поэме Альфреда де Виньи «Всемирный потоп» («Le Déluge», 1823). В сочинениях этого рода стихийное бедствие представляло, разумеется, как Божья кара, а не как природное явление (ср. ниже в п. 4 о пушкинских строках «С божией стихией / Царям не совладеть»).*

истинный смысл»,²⁷ но проще видеть здесь дань классицистической традиции распространенных описаний.

У Медзанотте сцены катастрофы также занимают почти половину текста, но они иначе распределены: описанию наводнения, эпизодам разрушений и гибели людей отведены первые две песни из четырех, а вторая половина поэмы посвящена рассказу о благодетельных действиях Александра и его приближенных. Таким образом, композиционно главное место занимает похвальное слово Александру.²⁸

1. Оба автора опираются на похожие источники и выбирают из них иногда одни и те же эпизоды. Интересно, что кроме тематической близости многих пассажей в обеих поэмах мы можем усмотреть и схожие риторические приемы. Сопоставим синтактико-риторическое оформление строк, описывающих метеорологические причины наводнения:

Но силой ветров от залива
Перегражденная Нева
Обратно шла, гневна, бурлива,
И затопляла острова,
Погода пуще свирепела,
Нева **вздывалась** и ревела,
Котлом **клокоча** и клубясь... (V, 140)²⁹

Ср. у Медзанотте:

I. VII
Ma dal Baltico mar soffiando il vento
Di gran tempesta annunciator fremea,

²⁷ *Благой Д. Д.* Социология творчества Пушкина: Этюды. 2-е изд., доп. М., 1931. С. 270; выделено автором.

²⁸ Похожую композицию мы видим и в значительно более кратком хвостовском «Послании к N. N. о наводнении Петрополя», в котором первые восемь десятков строк посвящены описанию потопа и его ужасов, а оставшиеся шесть десятков — картинам восстановленного города, где с престола сыплются миллионы на «благотворения», где «есть погибшие, — но, верно, нет сирот» и т. д. Переходным эпизодом служит описание подвига Бенкендорфа, не названного, впрочем, по имени (как не назван по имени и Александр) (см.: *Хвостов Д. И.* Сочинения. М., 1999. С. 151). О разных редакциях поэмы Хвостова см.: *Балакин А. Ю.* Пушкин — читатель графа Хвостова // Балакин А. Ю. Близко к тексту: Разыскания и предположения. СПб., 2017. С. 73—82.

²⁹ В черновиках: «Приподымалась и бурлила»; «клубясь, бежала прочь» (V, 450, 451).

E un suon di lutto pieno e di spavento
Rapidissimamente diffondea;
Le commosse onde amare in un momento
Impetuoso l'Uragàn spingea
Nel Finlandico sen, che per l'intenso
Urto **agitossi**, e tosto **crebbe immenso**.

I.VIII

Ecco i marini flutti riversarsi
Gia de la Neva nel profondo letto,
E vedi il Fiume minaccioso alzarsi <...>

I.IX

Ahi notte orrenda! Ognor più **ingrossa** il Fiume...³⁰

Оба поэта не прошли мимо эффектной картины реки, обращенной вспять, при этом у Медзанотте и Пушкина одинаково вводится тема ветра, дующего против течения; можно сказать даже, что ее синтаксическое оформление символично: тема вводится противительным союзом *но*. Чисто лингвистически этот союз ничем не мотивирован, никакого логико-синтаксического противопоставления не вводит; он нужен, чтобы подчеркнуть рисуемую «супротивность» ветров: «Ma dal Baltico mar soffiando il vento...» vs «Но силою ветров от залива...».

Далее тема сходным образом развивается: в обеих картинах противные ветры поднимают, вздувают клокочущую (у Медзанотте — мятущуюся) воду.³¹

³⁰ Перевод: «Но ветер, дующий с Балтийского моря, дрожал, предвестник великой бури, и звук, полный скорби и страха, с огромной скоростью распространялся; бурный ураган мгновенно бросил взволновавшиеся горькие воды в Финский залив, который от сильного столкновения заметался и сразу же страшно взбух. Вот морские потоки вливаются в глубокое ложе Невы, и видно, как река угрожающе поднимается <...>. О, ужасная ночь! Каждый час все больше вздувается река...» (*итал.*).

³¹ Наблюдатели отмечали также необычное зрелище как бы кипящей воды. Эро передает: «L'eau semblaît être mise en ébullition par la violence du vent; a peine pouvait-on distinguer les objets qu'elle entraînait» (*Revue Encyclopédique*. 1825. Т. 25. Р. 247; перевод: «Вода казалась доведенной до кипения силою ветра, с трудом можно было различить уносимые ею предметы» (*франц.*)). Ср. у Булгарина: «Толпы любопытных устремились на берега Невы, которая высоко вздымалась пенистыми волнами...», «Белая пена клубилась над водяными громадами...» (*Берх В. Н.*] Подробное историческое известие о всех наводнениях... С. 60, 62); соответственно у Пушкина: «Любуясь брызгами, горами / И пеной разъяренных вод» (V, 140).

Риторическое сходство здесь очевидно. Для сравнения замечу, что Жан-Мари Шопен в своем «Дифирамбе» также обращается к мотиву реки, обращенной вспять, но описывает то же самое явление иначе, прибегая к традиционным мифологическим образам (ветры дуют из Эоловой пещеры):

De leur caverne sonore
Les vents sifflent en fureur;
Le flot mugit, lutte encore,
Et cède en frémissant à l'obstacle vainqueur
Qui le refoule vers l'aurore.³²

2. Оба автора решили ввести в действие такой эпизод, как сверхъестественное явление Петра после наводнения. Этот эпизод совершенно по-разному оформлен и мотивирован и нужен авторам в разных целях, но сам факт, что он понадобился обоим поэтам, свидетельствует о некоем общем поэтико-риторическом базисе.

В больном воображении Евгения возникает видение скачущего на него царя, ибо царь ему враждебен: именно роковой волею Петра город основался над морем, и потому вина за случившуюся трагедию падает на основателя.³³

У Медзанотте о вине основателя не говорится, подразумевается лишь очевидная причастность создателя к судьбе его создания. Петр является в алом сиянии, смотрит на разоренный наводнением город,

---

³² *Chopin J. M. Dithyrambe sur l'inondation de Saint-Pétersbourg. Paris, 1824. P. 3—4; перевод: «Из своей гулкой пещеры яростно дуют ветры; поток рычит, еще борется и дрожа уступает побеждающему противодействию, отбрасывающему его к востоку» (франц.).* Процитировано Эро в его рецензии: *Revue Encyclopédique. 1825. Т. 25. P. 211.*

³³ Вина Петра была достаточно популярной темой разговоров в обществе; многие русские свидетельства собраны в книге А. Л. Осповата и Р. Д. Тименчика, например: «Ах! Петр Великий! Петр Великий! Зачем построил ты столицу на таком низком месте? <...> Молчит, не отвечает ни слова: видно, что виноват» (из письма А. Е. Измайлова к П. Л. Яковлеву — *Осповат А. Л., Тименчик Р. Д. «Печальну повесть сохранить...»: Об авторе и читателях «Медного всадника». 2-е изд., перераб и доп. М., 1987. С. 25*); есть пример и в сценическом тексте: реплика Побродяжкина в комедии Н. И. Хмельницкого «Арзамасские гуси» (1829): «А кто несчастью причина? / Блаженной памяти покойный государь / Петр Алексеевич» (Там же. С. 12) и т. п. В Европе на эту тему также говорили и писали: Гете беседовал о неизбежности наводнения со своим знакомым архитектором; по рассуждению Эдма Эро, несчастье Петербурга явилось «если не неизбежным, то по крайней мере, весьма вероятным следствием его местоположения» (*Revue Encyclopédique. 1825. Т. 25. P. 246*).

тяжело вздыхает и, издав горестный возглас, исчезает.³⁴ Его *lunghi sospiri* следует трактовать скорее как выражение сочувствия к своему творению и к пострадавшим жителям, но можно видеть в них и знак раскаяния.

XIII

Entro il concavo sen di nube oscura
L'ombra del magno *PIETRO* intanto apparse
Sovra l'ardue da Lui costrutte mura
Onde già molta di sè fama sparse:
Pria da la nube uscì vermiglia e pura
Luce, che intorno strisciò ratta, ed arse:
Poscia, diviso in due l'umido lembo,
L'Ombra mostrosi de la nube in grembo.

XIV

Il magnanimo Eroe gli occhi in giù volse
A la diletta sua Cittade appena
Che amarissimamente in cor si dolse
A l'aspetto dei mali ond'era piena:
Trasse dal sen lunghi sospiri, e sciolse
Le luci in larga lagrimosa vena:
Gemer la Neva a quel suo pianger parve;
Ei doloroso mise un grido, e sparve.³⁵

Стоит обратить внимание, что и французский «Дифирамб на наводнение» заканчивается сверхъестественным явлением тени монарха, но у Шопена это тень не Петра, а Екатерины, которая, собственно, и усмиряет стихию, встав на постамент памятника Петру и трижды бросив взгляд на восток:

On dit que, s'éveillant en sa tombe assiégée,
L'ombre de Catherine entr'ouvrit son cercueil,

³⁴ В картине явления тени Петра заметно пристрастие Медзанотте к экфрасису (напомним, что итальянский поэт уже был к тому времени автором четырех экфрасических поэм).

³⁵ «Тогда тень великого Петра явилась в глубоком лоне темного тумана на крутых стенах, им построенных, благодаря которым уже распространилась его великая слава. Сперва изошел из тумана чистый алый свет, который быстро змеился и жег. Потом, разделив надвое влажное пространство, Тень показалась во чреве тумана. Лишь только великодушный герой обратил взор на свой любезный город, как горчайшая боль пронзила сердце при виде бед, его наполнивших; издал долгие воздыхания, растворил свет в слезах; Нева, казалось, задрожала при его плаче, он же издал скорбный возглас и исчез» (*итал.*).

Et contempla long-tems la ville submergée
 <...>
 Lorsqu'enfin, s'arrêtant sur le granit antique
 Où règne encor le Fondateur,
 Vers l'Orient éclatant de splendeur,
 Elle fixa trois fois un regard prophétique,
 Et le Golfe en son lit retomba sans fureur.³⁶

Вполне вероятно, что Медзанотте взял идею у Шопена, тем более что приведенный пассаж цитируется в рецензии Эдма Эро, а «Энциклопедическое обозрение» Медзанотте, скорее всего, читал. Сходство приемов оправдано здесь (а может, и обусловлено) одним и тем же сюжетом, порождающим, например, следующий ход мысли: смертный государь, Александр, не имеет власти над стихией, усмирить волны и ветер способна лишь посланная свыше тень усопшего монарха. Это связано с известной темой резиньяции Александра в пушкинской поэме, о чем см. ниже.

3. Сопоставим описания следующего утра после наводнения.

Итальянский поэт рассказывает, как по Неве плывут бедные хижины, унесенные потоком, их обитатели отчаянно зывают к Небесам в надежде спастись (то есть события, которые в «Медном всаднике» остались за сценой, Медзанотте представляет явным образом).³⁷

³⁶ Chopin J. M. Dithyrambe sur l'inondation de Saint-Pétersbourg. P. 8; перевод: «Говорят, пробудившись в своей осажденной гробнице, тень Екатерины открыла свой гроб и долго созерцала затопленный город <...> наконец, остановившись на древнем граните, на котором еще царствует Основатель, она трижды устремила пророческий взгляд к сияющему великолепием Востоку, и Залив вернулся в свое ложе, утратив ярость» (франц.). Эдм Эро в своей рецензии на «Дифирамб» вспоминает в связи с этими строками «Греческий проект», давая такой комментарий: «L'auteur fait sans doute allusion ici à l'impression que le désastre arrivé à Saint-Pétersbourg a produite sur l'esprit du peuple superstitieux. On sait qu'après l'inondation il a rempli pendant plusieurs jours les églises, s'accusant d'avoir attiré ce fléau sur sa tête par sa coupable indifférence pour ses frères, pour ses coréligionnaires. Puisse ce regard prophétique de l'ombre de Catherine, annoncer la prochaine délivrance de la Grèce!» (Revue Encyclopédique 1825. T. 25. P. 212); перевод: «Автор намекает здесь, наверное, на впечатление, произведенное наводнением на ум суверенного народа. Известно, что в течение многих дней после наводнения он заполнял церкви, обвиняя себя, в том, что навлек сию язву на свою голову греховным безразличием к судьбам своих братьев и единоверцев. Да сможет этот пророческий взгляд Екатерининной тени стать предвестием скорого освобождения Греции!» (франц.).

³⁷ Приведем один из запоминающихся эпизодов, попавших в итальянские газеты: «...in una piccola casa di legno che fu spinta da una lontana parte della città

Начинает он с клише: «дневное светило» — «l'Astro del dì» (калька с франц. «l'astre du jour») — выглядывает, чтобы увидеть результат наводнения, но тут же покрывается темными тучами, как бы не желая освещать случившийся ужас. Пушкин тоже отдает дань сходной формуле: у него выглядывает «Утра луч / Из-за усталых, бледных туч» (V, 145). То же видим и в статье Булгарина: «Первые лучи солнца, озарив печальную картину разрушения, были свидетелями благотворения и сострадания».³⁸ Видно, что здесь использован наиболее естественный и привычный тогда оборот поэтической речи; впрочем, Пушкин мог употребить его под влиянием булгаринской формулировки.

Однако далее оба поэта отклоняются от хроники реальных событий, причем в противоположных направлениях. Пушкину важно показать, как уже на следующее утро для большей части жителей все пошло привычным распорядком (тем самым подчеркивается, что Евгений оказался совершенно чужим и одиноким среди все мгновенно забывшей толпы).³⁹ Для этого русский поэт прибегает к неявной гиперболе, давая понять, будто на следующий же день «багряницей / Уже прикрыто было зло», то есть царские благодеяния почти мгновенно удалили внешние следы бедствия:

Утра луч
Из-за усталых, бледных туч
Блеснул над тихою столицей
И не нашел уже следов
Беды вчерашней; багряницей
Уже прикрыто было зло.
В порядок прежний всё вошло.

verso il villaggio della Oclata [sic!] si trovavano due fanciulli dell'età uno di 7 e l'altro di 10 anni; questi rimasero vivi, ma un angoscia di cinque ore tolse loro la favella» (Gazzetta di Milano. 1825. Domenica 2 Gennajo); перевод: «...в маленьком деревянном домике, вынесенном из отдаленной части города к деревне Охте, находились двое детей 7 и 10 лет, они остались живы, но пятичасовой ужас лишил их речи» (итал.).

³⁸ [Берх В. Н.] Подробное историческое известие о всех наводнениях... С. 68.

³⁹ Стоит напомнить, что образ петербургского жителя, потерявшего всю семью и скитающегося в одиночестве и отчаянии, имеется и у Хвостова:

Там старец мрачный — жив — терзаяся тоскою,
Средь разрушения блуждает будто тень
И вопиет: где ты, любезная мне сень?
Где дочь и сыновья; где ты, моя супруга?
Без дома, без детей, лишенный сил и друга,
Среди печали злой, отчаяния сын,
Связь с миром перервав, скитаюсь я один.

(Хвостов Д. И. Сочинения. С. 150)

Уже по улицам свободным
С своим бесчувствием холодным
Ходил народ. Чиновный люд,
Покинув свой ночной приют,
На службу шел. Торгаш отважный,
Не унывая, открывал
Невой ограбленный подвал,
Сбираясь свой убыток важный
На ближнем выместить. С дворов
Свозили лодки.
Граф Хвостов,
Поэт, любимый небесами,
Уж пел бессмертными стихами
Несчастье невских берегов.

Но бедный, бедный мой Евгений...
Увы! его смятенный ум
Против ужасных потрясений
Не устоял.

(V, 145)

Надо сказать, что многие изумлялись скорости, с какой ликвидировались последствия наводнения, по крайней мере видимые, но Пушкин спрессовал несколько недель в один миг.⁴⁰

Любопытно, что именно здесь, описывая следующий после наводнения день, Пушкин решил не отказываться от бурлескных пассажей (другие, известные по черновикам, были им исключены). Эти бурлескные элементы создают контрастный фон для известия о безумии Евгения.⁴¹

⁴⁰ Булгарин был более конкретен, и потому его преувеличения выглядят гораздо умеренней: «В первые сутки уже не было ни одного человека в столице без пищи и крова» ([Берх В. Н.] Подробное историческое известие о всех наводнениях... С. 70). Тем не менее А. Л. Осповат комментировал их так: «Булгаринские строки могут читаться в двойной ретроспективе. Автор несомненно угодничает перед властными органами, разительно преувеличивая реальный эффект предпринятых 8 ноября благотворительных усилий; с другой же стороны, его гиперболы отвечают новому концепту столичного города. На исходе 1824 года мгновенное воскрешение Петербурга Александром I представлялось своего рода репродукцией акта его сотворения по манию Петра I» (Осповат А. Л. Из комментария к «Медному всаднику» (2) // На рубеже двух столетий: Сборник в честь 60-летия Александра Васильевича Лаврова. М., 2009. С. 500).

⁴¹ Весь процитированный фрагмент отмечен обилием имитирующих разговорность анжамбманов и потому в известном смысле стилистически и версификационно однороден. Его перечислительный характер («ходил народ», «чиновный

У итальянского поэта задача противоположная: ему нужно после описания бури и наводнения не ослаблять накал и дать картину трагических последствий бедствия; соответственно этому искажен реальный ход событий: в поэме Медзанотте наводнение застигает жителей Санкт-Петербурга ночью, во сне, и длится два дня (гиперболизация, обратная пушкинской). Поэтому, если у русского поэта «утра луч <...> не нашел уже следов беды вчерашней», то у итальянца выглянувшее солнце освещает ужасные картины продолжающегося наводнения:

II. I

Sorse l'Astro del dì, ma il bel semblante
Di tenebrose nubi si covria,
Quasi niegando illuminar le tante
Stragi <...>
A l'occhio suo, che tutto vede, innante
Un vasto campo desolato offrìa
La regal Pietroburgo <...>

II. V

Spettacol movo or si presenta: fiere
Trasportan l'onde umili case <...>
Vedi gente su i tetti ardui, che fere
Di grida il cielo, e cui la Parca investe...⁴²

Сцена с хижинкой, увлекаемой потоком, есть и у Шопена (ее детали можно найти как в газетах, так и в заметке Эро):

Le torrent, qui grossit, entraîne la chaumière;
Les flots n'ont plus de frein, la peur n'a plus d'abris;
Le laboureur s'attache au seuil héréditaire
Dont il embrasse les débris.⁴³

люди на службу шел», «торгаш открывал подвал», «Хвостов пел») сообщает ему дополнительную однородность. Сообщение о сумасшествии Евгения дается внутри этого риторического единства.

⁴² «Вышло дневное светило, но это прекрасное <светило>, казалось, покрылось темными тучами, как бы отказываясь освещать такое смертоубийство <...> Его всевидящему оку обширное <зрелище> опустошения представил царственный Петербург <...>. Движущееся зрелище представилось: гордые волны влекли смиренные хижины <...>. Виднелись люди на крутых крышах, вопившие к небу, но <бывшие> во власти Парки...» (*итал.*).

⁴³ *Chopin J. M. Dithyrambe sur l'inondation de Saint-Petersbourg. P. 5; перевод: «Усиливающийся поток увлекает хижину. У волн нет более узды, у страха нет более укрытия; пахарь цепляется за наследственный порог, обнимает его обломки» (франц.).*

Шопен берет эти сцены для нагнетания ужасов, которое, кажется, является для него самоцелью. У Медзанотте же картина снежных бедных хижин подготавливает последующий рассказ о благодеяниях Александра, дарующего кров и пищу всем пострадавшим.

4. Еще один эпизод, на который имеет смысл обратить внимание: Александр, взвешивающий на бедствие и принимающий его как Божью волю.

В тот грозный год
Покойный царь еще Россией
Со славой правил. На балкон,
Печален, смутен, вышел он
И молвил: «С божией стихией
Царям не совладеть». Он сел
И в думе скорбными очами
На злое бедствие глядел.

(V, 141)

У Медзанотте царь более чем «печален, смутен», он от боли изливает слезы, видя народные страдания:

III. I

...immensa angoscia edace
Sentì destarsi nel commosso petto:
Lagrima sparse di dolor verace
Sovra i danni del suo popol diletto;
Devotamente al ciel le luci fisse,
Supplici alzò l'auguste palme, e disse.

III. II

Eterno Re de l'Universo, ali quanto
Grave è il duol che mi punge amaramente!
Adoro il tuo voler; ma i mali e il pianto
Mira di questa a me commessa gente.⁴⁴

---

⁴⁴ Перевод: «<Александр> почувствовал, как огромная разъедающая тоска пробудилась в сострадающем сердце; излил слезы истинной боли на страдания своего любимого народа; благочестиво возвел взор к небу, поднял царственные умоляющие ладони и молвил: Вечный Царь Вселенной, сколь тяжка боль, меня пронзающая горечью! Препоклоняюсь перед твоей волей, но воззри на беды и страдания моих подданных» (итал.).

Е. А. Тоддес⁴⁵ и В. Э. Вацуро⁴⁶ считали, что пушкинские строки парафразируют письмо Александра к Карамзину от 10 ноября 1824 года («Воля Божия, нам остается только преклонить главу пред нею»), а А. Л. Осповату удалось правдоподобно объяснить, каким образом оно могло дойти до Пушкина.⁴⁷ Но мы видим и у Медзанотте похожий эпизод, где Александр произносит аналогичные слова: «Adoro il tuo voler...» («Преклоняюсь перед твоей волей»). Они лексически даже ближе к фразе из царского письма, хотя итальянский поэт о нем уж точно ничего не знал. Проще считать, что этот эпизод восходит к другому источнику, и предположить, что у обоих поэтов тема покорности Божьей воле взята непосредственно из царского рескрипта князю Куракину, опубликованного в европейской прессе и известного, стало быть, европейской публике. Вот его начало:

Князь Алексей Борисович!

Бедствие, постигшее С. Петербург в 7 день сего ноября внезапным и необыкновенным наводнением, исполнило сердце мое горестными чувствами.

Судьбы Всевышнего праведны и неисповедимы. В глубокой покорности воле Его, и скорбя о всех, потерпевших убытки и расстройство, правительство не может вознаградить все траты сего бедственного дня; но доставление скорой и существенной помощи наиболее разоренным и неимущим, я вменяю себе в священный долг; они имеют ближайшее право на отеческое мое попечение.⁴⁸

---

⁴⁵ См.: Тоддес Е. А. К изучению «Медного всадника» // Тоддес Е. А. Избранные труды по русской литературе и филологии. М., 2019. С. 606, примеч. 5.

⁴⁶ См.: Вацуро В. Э. Пушкин и проблемы бытописания в начале 1830-х годов // Пушкин: Исследования и материалы. Л., 1969. Т. 6. С. 168, примеч. 66.

⁴⁷ «...Кажется вполне правдоподобным, что именно Дмитриев познакомил Пушкина с письмом Карамзина от 8 декабря 1824 г., содержащим записку Александра I. Это могло произойти в 1832—1833 гг. — во время одной из тех встреч, когда Дмитриев охотно делился с Пушкиным рассказами о пугачевщине» (Основа А. Л. Источниковедческая заметка к «Медному всаднику» // Седьмые Тыняновские чтения: Материалы для обсуждения. Рига; М., 1995—1996. С. 128).

⁴⁸ Аллер С. Описание наводнения, бывшего в Санкт-Петербурге 7 числа ноября 1824 года. С. 135. Приведем также французский текст «Conservateur Impartial» по «Journal des Débats politiques et littéraires» (1824. 16 décembre; то же в «Le Constitutionnel» за то же число и в «Le Moniteur Universel» за следующее: «Le désastre occasionné à Saint-Petersbourg par une inondation aussi subite qu'extraordinaire, a pénétré mon cœur de sentimens douloureux. Les décrets de l'Être-Suprême sont justes et impénétrables. Profondément soumis à sa volonté, et compâtissant au sort de ceux qui ont éprouvé des pertes et le bouleversement de leurs propriétés, le gouvernement ne peut réparer tous les maux de cette désastreuse journée; mais je me suis fait

В свете этого документа (который уже приводила Е. Э. Лямина⁴⁹) привлекать карамзинскую переписку для объяснения пушкинских строк кажется излишним.

Медзанотте читал рескрипт в итальянском переводе:

Principe Alessio Borissovitch:

Il disastro cagionato a Pietroburgo da una mandazione altrettanto subitanea che straordinaria penetrò il mio cuore di dolorosi sentimenti. I decreti dell' Ente Supremo sono giusti ed impenetrabili. Profondamente sommerso alla sua volontà, e compassionando la sorte di quelli che soffersero perdite o la distruzione delle loro proprietà, il Governo non può riparare tutti i mali di quella disastrosa giornata; ma io mi sono imposto il sacro dovere di recar soccorsi pronti ed efficaci particolarmente agli indigenti; questi più d'ogni altro hanno diritto alla paterna mia protezione.⁵⁰

Замечу, что слова об «отеческом попечении» процитированы как в автокомментарии Медзанотте к его поэме, так и в рецензии на эту поэму, опубликованной в «Antologia» — одном из самых серьезных тогдашних журналов, издававшемся во Флоренции Дж. П. Вьёссе (Giovan Pietro Vieusseux; 1779—1863).⁵¹

«Le Moniteur universel» использует формулировку с подобными же религиозными коннотациями и в другой статье: «L'empereur Alexandre a été un ange consolateur pour tous; mais il est des malheurs qui excèdent sa puissance...»⁵²

---

un devoir sacré d'apporter des secours prompts et efficaces particulièrement à ceux qui ont été ruinés et aux indigens: plus que tous les autres, ils ont droit à ma protection paternelle».

⁴⁹ Лямина Е. Э. «... сел ... глядел»: кто он? // И время и место: Историко-филологический сборник к шестидесятилетию Александра Львовича Осповата. М., 2008. С. 161.

⁵⁰ Gazzetta di Firenze. 1824. Dicembre. Giovedì 30.

⁵¹ См.: Antologia. 1825. Т. 20, № 60. Dicembre. P. 134.

⁵² Le Moniteur universel. 1824. 19 décembre. Dimanche; перевод: «Император Александр был для всех ангелом-хранителем, но есть несчастья, превышающие его могущество (с которыми ему не совладеть. — А. Д.)» (франц.). Кроме того, А. А. Долинин, изучив пушкинское «применение» Байроновой трагедии «Сарданапал» к русской истории, не исключает, что слова «С божией стихией / Царям не совладеть» могут намекать на реплику Сарданапала: «Le fleuve est <...> plus puissant qu'un roi» — «Река могущественнее царя» (см.: Долинин А. А. Байрон в пушкинском зеркале: Два отражения // Долинин А. А. Пушкин и Англия: Цикл статей. М., 2007. С. 195). Нужно, однако, учесть, что в контексте английской трагедии эта реплика имеет другой смысл. Сарданапал приказывает своим слугам бежать на кораблях, ибо разбушевавшаяся река даст лучшую защиту, чем

5. За этим следует сцена, в которой приближенные царя пускаются на помощь утопающим. Слова Пушкина (с авторским приращением «Граф Милорадович и генерал-адъютант Бенкендорф» — V, 150) известны:

Царь молвил — из конца в конец,
По ближним улицам и дальным
В опасный путь среди бурных вод
Его пустились генералы
Спасать и страхом обуяльй
И дома тонущий народ.

(V, 141)

Аналогично и Медзанотте вводит эпизод с подвигом Бенкендорфа, но гораздо более амплифицированный и риторически украшенный. При этом сцена возвращения изнеможенного от усталости Бенкендорфа во дворец в точности соответствует сообщениям итальянских газет.⁵³

6. Пресса сообщала также о размытых наводнением кладбищах, рисуя весьма впечатляющие картины. Приведем пассаж из статьи Эро, выделив фрагменты, совпадающие со строками «Медного всадника»:

...où les eaux courroucées roulaient avec elles, en se retirant vers le fleuve, **des débris de maisons**, des meubles, des voitures, **des marchandises**, des malheureux luttant contre une mort horrible, et **des monceaux de cadavres qu'elles avaient enlevés à un vaste cimetière dont les terres avaient été bouleversées par leur passage.**⁵⁴

Аналогичное, только более краткое, описание давали газеты.⁵⁵

он, царь (мощь реки оценивается положительно, она защищает беглецов): «...le fleuve est grossi par la crue des eaux et, (plus puissant qu'un roi), il n'a rien à craindre des assiégeans» (*Byron G. G. Œuvres complètes / Traduites de l'anglais par A.-P. [Amédée Pichot]. Troisième édition, entièrement revue et corrigé. Paris, 1822. T. 10. Ire Partie. P. 202; перевод: «...река вздулась от наводнения и (более могущественная, чем царь) не боится осаждающих» (франц.)).*

⁵³ См.: Gazzetta di Firenze. 1824. Dicembre. Giovedì 30.

⁵⁴ Revue Encyclopédique. 1825. T. 25. P. 247; перевод: «Где разъяренные воды катили с собой, отступая к реке, остатки домов, мебель, повозки, товары, несчастных, борющихся против страшной смерти, и груды трупов, унесенных с обширного кладбища, где земля была размыта потоками воды» (франц.).

⁵⁵ См.: Le Moniteur universel. 1824. 19 décembre. Dimanche; Gazzetta di Firenze. 1824. Dicembre. Giovedì 30.

Соответственно, во всех трех поэмах мы находим эффектную сцену с гробами или мертвецами, плывущими по улицам:

Лотки под мокрой пеленой,
Обломки хижин, бревны, кровли,
Товар запасливой торговли,
Пожитки бледной нищеты,
Грозой снесенные мосты,
Гроба с размытого кладбища
Плывут по улицам!
(V, 140—141)

Шопен привлекает более высокопарную риторику, чем Пушкин:

Le fleuve a heurté les tombeaux;
Les morts ont tressailli dans leurs retraites sombres;
La tempête évoque les ombres,
Et d'horribles débris se choquent sur les flots!⁵⁶

Сен-Тома обращается к упомянутому мотиву дважды. Уже во втором катрене его поэмы рисуется картина, напоминающая барочную *vanitas*:

J'admirais, hier encore, un élégant portique
Colossal monument de richesse ou d'orgueil;
Le voilà renversé!.. les flots de la Baltique
Parmi ses ornemens déposent un cercueil...⁵⁷

На следующей странице еще раз вводится тот же мотив, и снова с коннотациями *temento mori*:

De livides lambeaux enlevés à la tombe
Sous les yeux des vivans par les eaux sont poussés...⁵⁸

⁵⁶ Chopin J. M. Dithyrambe sur l'inondation de Saint-Pétersbourg. P. 8; перевод: «Река натолкнулась на могилы, мертвые вздрогнули в своих мрачных убежищах; буря вызывает тени, и ужасные останки сталкиваются на волнах» (франц.).

⁵⁷ Saint-Thomas A. de. L'inondation de Saint-Pétersbourg... P. 4; перевод: «Еще вчера я восхищался элегантным портиком, колоссальным памятником богатства или гордыни; и вот он опрокинут!.. балтийские волны среди его украшений поставили гроб...» (франц.).

⁵⁸ Ibid. P. 5; перевод: «Бледные лохмотья, похищенные из могил, влекутся водами перед глазами живых...» (франц.). Поэма Сен-Тома наиболее архаична по общей идее: наследуя описаниям библейского потопа, автор рассматривает петербургское наводнение как Божью кару.

Медзанотте распространяет эту картину на две строфы, склоняя ее на итальянские нравы (у него вода открывает погребальные урны):

II. XIV

Lungo ogni via confusi andar tu vedi
Spezzate navi su per l'onda erranti
**E rottami di case, e guasti arredi,
E di donne cadaveri e d'infanti:**
Nè rispettan di Dio le sacre sedi
Gli audaci flutti, e scendon risonanti
Ne le stanze dei morti ime e segrete
A turbarne la placida quiete.

II. XV

Giù piomban ruinosi e violenti
A por sossopra ogni funèbre fossa:
Sollevano le fredde urne tacenti,
E le dischiudon con orrenda possa:
Odi uscirne mestissimi lamenti;
**E sparse vedi in un le croci e l'ossa
Galleggiar per le squallide contrade,**
Alto terror destando alta pietade.⁵⁹

От аналогичных описаний не мог удержаться почти никто из поэтов, включая Анну Волкову, которая первой откликнулась на случившуюся катастрофу своей одой.⁶⁰

...И гробы, вырыты волною разъяренной,
Несутся бурей по пенистым водам,
Жилища мирного, в могиле, труп лишенной
Терзаем вихрями, влачится по валам, —

⁵⁹ Перевод: «Ты видишь плывущие по улицам обломки домов, мебели, трупы женщин и детей; дерзкие потоки не чтут священных мест и шума устремляются в таинственные жилища мертвых, дабы возмутить их тихий покой. Они уже ворвались вниз, чтобы перевернуть могилы, поднимают и мощно открывают холодные урны; ты слышишь, как исходят из них глухие стенания, видишь разбросанные кресты и кости, плывущие по разоренному краю; высший ужас зовет в ответ высшую набожность» (*итал.*).

⁶⁰ Стихи «На случай наводнения, бывшего в Санкт-Петербурге 1824 года ноября 7» были опубликованы в «Сыне отечества» (1824. Ч. 98. № 52. С. 275), сданном в типографию 27 декабря 1824 г. (см.: *Основат А. Л.* Из комментария к «Медному всаднику» (2). С. 500). Кажется, лишь Хвостов не счел картину размытых кладбищ достойной высокой поэзии.

Но мрак, сей ужасом начертанной картины,
Проникнул с высоты благотворенья луч:
Хранитель Ангел наш, царь, внук Екатерины
Далеко гонит мглу, грозящих бегством туч.⁶¹

После нагнетания всевозможных ужасов (сцен гибели детей, супругов, родителей; описания разбросанных после наводнения трупов...) в последней песни Медзанотте разрешает напряжение, рассказывая о том, как царь и двор помогают всем пострадавшим: сиротам, бездомным, бедным, как они устраивают погребение всем погибшим и т. п., — как уже говорилось, такое развитие темы вполне традиционно для XVIII в.

В «Медном всаднике» императорские благодеяния упомянуты в двух стихах, да и то не прямо («...багряницей / Уже прикрыто было зло / В порядок прежний все вошло» — V, 145), так что и слово *прикрыто* выглядит несколько двусмысленно (зло не исправлено, а лишь припрятано); напротив, подробно рисуется отчаяние Евгения, которому никакая благодетельная власть не в состоянии помочь. Хотя разбираемый пассаж «Медного всадника» понятен и сам по себе, его смысл яснее вырисовывается при сопоставлении с текстом Медзанотте.

Также и в целом сравнение итальянской поэмы с «Медным всадником» позволяет более отчетливо увидеть некоторые особенности пушкинской повести. При том, что Пушкин, как видно из предыдущего, зачастую прибегал к тем же приемам, что и эстетически консервативный итальянский поэт-классицист, основное различие двух произведений очевидно. В традиционно построенной итальянской поэме природной стихии противостоит (как семантически, так и композиционно) благая власть, воплощенная в государе-спасителе. У Пушкина же две безличные силы (природы и государства) противостоят индивидуальной судьбе. Для героя петербургской повести Петр — союзник губительной стихии. Поэтому Медзанотте начинает с ужасов наводнения, а заканчивает похвальным словом императору. Пушкинская же поэма начинается с *laudatio* Петру, а завершается трагической гибелью главного героя и его близких (и вина Петра эксплицитно не отрицается).

---

⁶¹ Ср. приведенные выше слова из «Le Moniteur universel» («Император Александр был для всех ангелом-хранителем»), а также строки Медзанотте, описывающие «свет, разделяющий мрак». Речь, разумеется, идет не о заимствованиях, а об общем наборе приемов.